

Издание второе исправленное и дополненное

Анатолий Викторов

ПРОЦЕСС

Анатолий Викторов

Процесс

«Э.РА»

2011

Викторов А. В.

Процесс / А. В. Викторов — «Э.РА», 2011

В XX веке на Земле произошла катастрофа. Сотни миллионов человек погибли от рук своих собратьев в России, Германии, Китае, Японии, США и в других странах в ходе социальных и расовых войн. Найти причину этого парадоксального явления столь же важно, как открытие законов фундаментальных наук: физики, химии, математики. Тогда мы сможем определить своё будущее. Попробуем с этой целью исследовать Россию, самую близкую нам страну.

© Викторов А. В., 2011

© Э.РА, 2011

Содержание

Глава 1. Так было	5
Глава 2. Стало так	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анатолий Викторов

Процесс

Глава 1. Так было

«Для жизни нужны живые»
Андрей Платонов

Человек сумел столь много узнать и понять, что уже давно привык к своим силам, несущим добро и зло. Зло, идущее от человека, мешает его всемогуществу. Тяжелой задачей становится избавление от этого невыносимого груза. Своими чувственными приманками он породил ложное мышление и настолько держит нас в руках, что даже значение собственных лучших нравственных черт человек плохо понимает. Он чувствует их только тогда, когда они подаются в привлекательной бутафории. Увидеть их в первоизданном виде можно только в первоисточнике – Библии.

Это документ начала времен, когда появившийся человек сумел осмыслить окружающий мир. Случилось ли это с момента утверждения на ногах живого существа (так говорит наука) или с сотворения узнаваемого нами человека – неважно. Первоначальный завет прост и логичен.

«И увидел Бог, что это хорошо» («Библия: Бытие»).

Желая понять свершенное, мы приходим к мысли, что до этого не было ничего сущего. Библейский Бог мирился с этим, пока у него не появилась необходимость самоутверждения. Свет, вода, земля – сущее общее. Ощущение «это хорошо» (или красиво!) должно было пробудить моральное и эстетическое начало. Тогда появилось и отрицание сущего, полного зла и страдания. Значит, библейские оценки, записанные в свитках Кумранских пещер (Израиль) задолго до появления развитых религий и понятые только что пробудившимся разумом человека, имеют не относительное значение, а абсолютное.

На этой ступени высшая сила уже знала, что возможностью подобного признания должна быть наделена часть сущего: живое, внемлющее окружающему и созданное из чего-то близкого той почве, на которой будет существовать. К такому же выводу привели первые шаги идеи созидания. Вывод, «это хорошо!» («Библия. Бытие») относится ко всем явлениям мира и закладывает основы существования всего живого.

Первочеловеческие особи были верны общебиологическим законам бытия и не пытались осмыслить окружающее. Поэтому были предназначены жить вечно в одном поколении, не зная забот, но воспринять правила своего существования, как велел Бог, не могли. Первый человек был чувствующий, но лишенный знания. Импульс к развитию был заложен в первых шагах на пути к неизбежному.

Познавательное начало пробудилось. По природе своей оно вышло за пределы первоначальных границ. Но за попытку пробуждения разума, ведущего к власти над миром, – сравняться с Богом! – человек был лишен беззаботности и бессмертия. Разум продолжал жить, но уже в другом поколении. Дети стали наследниками родительских черт, а потому у них проявились первообретенные чувства и тяга к их развитию. Это обозначило границы их существования. Носитель малое знания мог жить долго. Большее – сокращало жизнь.

Этот момент важен. Индивидуальность рождается от света познания, но усиление его может ослеплять человека. В своем познании мира он начинает заблуждаться. Знание – тяжелый груз. В мышлении проявилась личность, то есть синтез индивидуальных качеств, которые вроде бы не предусмотрены были при появлении человека на Земле. Возникли имена людей,

право на нечто свое. Казалось бы, такие особенности могут существовать. Но в «Ветхом завете» Библии содержится узловое сообщение: «*Каин убил Авеля*» своего родного брата. Никаких комментариев по этому поводу Библия не дает. А такая краткая информация невольно вызывает вопрос: «за что?». Ответа нет. Остается предполагать, что случившееся незадолго после сотворения человека – результат чувства, развращенного приобретенным разумом. Он расширил возможности познания окружающего мира и одновременно власти человека над ним. Крайнее проявление власти – убийство без причин себе подобного и единокровного имело символический характер, определивший зло как властолюбие. Так возникли войны в мире под предлогом личного властвования. Сдерживающего начала не было.

Невольно встает вопрос: а нужен ли разум? Ведь он ничего сущего в ходе своего появления и первоначального развития в человеке не изменил, а только направил его на уничтожение самого себя. Это противоречие можно понять, как закономерную ступень развития, и зачеркнуть ее – значит зачеркнуть и человека. Оставить его в состоянии животного? Этого не было дано. А новое существо заполняло заложенные в нем отрицательные качества и все больше открывало природу мира, обогащало и развивало самого себя. Появлялись новые черты характера: самолюбие, примат силы, тщеславие, породившие противостояние чувства и разума. И это определило дальнейшую историю человечества. Решающими стали не внешние черты, а внутренние. В результате человек оказался противоречивым существом в отличие от зверя, обреченного на войну только чувством голода и инстинктом самосохранения. Эти и новые человеческие качества вызвали смещение и породили множество черт, которые при современном обилии называют маргинальными. Познание мира расширяло свои возможности. Власть над природой включала в себя власть над существованием человека. Наверное, этим объясняется возможность убийства человека человеком. Родные братья, вызвали по мере неравных проявлений все большие столкновения друг с другом. Тогда пролилась кровь. Войны, несмотря на всю их нелогичность, развили энергию человека, дали рост чувству и разуму. Сражение продолжается и поныне, но при этом разум медленно, но верно берет верх над важнейшим порождением чувств – злом. Он открыл, что может сам изменить систему мира, подобно тем возможностям, которые он обычно предписывал Творцу. Зло восстает против существования человека. Прошло немало поколений пока человек понял, что зло надо победить.

Промежуточная зрелость – связь между явлением и ограниченным его пониманием. Поняв это, стало легче существовать в мире, который имеет свои рамки. Но это было временное ощущение. Ложные рамки были обречены на разрушение развитием разума. Образующийся дискомфорт вызывал сопротивление. Начались конфликты инакомыслия. Они таились в развивающемся чувстве, которое не всегда находило соразмерный выход в разуме. Но поскольку человек обречен на владение им, это редчайшее явление природы, находило условия своего существования. Процесс шел противоречиво. Разум мотивировал чувство. Оно отвечало лицемерием, как способом обретения цели без внутренней правды. Такая черта после временной удовлетворения приносила страдания, и это явилось воспитывающим фактором.

Все эти метания получили название – прогресс. Движущая его сила – нарастающее желание познавать цельность окружающего мира. Понятие зла стало обратным понятием библейской оценки «это хорошо». Расширяющиеся его масштабы превращали мир как бы в собственность человека. Сначала это была власть над вещью, а потом над личностью. Такое чувство доминировало над знанием и еще не знало самоограничения.

Напомним еще раз: Каин убил Авеля. Этот трагический эпизод имеет колоссальное значение. Человечество за сотни последующих поколений должно было разгадать такое явление, которое стало катастрофическим для мыслящего существа. Многие философы объясняли это вмешательством «нечистой силы», начавшей действовать одновременно с Богом. Это абстрактное мнение ничего не может объяснить, поскольку родившийся разум – явление светлое и всем

понятное. Остается предположить, что чувство по мере его возможностей призвало человека убивать своего ближнего, как выход из спора и оскорбленности власти каждой из сторон.

Зло – это порождение животного начала переданного нам вместе со свободой познания, как чувства власти над всем окружающим. Как часть разума, зло породило самовлюбленность, тщеславие, властолюбие и как средство достижения этого жестокость ко всему не похожему на тебя. Такое явление явилось следствием конфликта между растущим разумом и животной фундаментальностью, опираясь на которую разум вообразил собственное всесилие, извращенную свободу, не знавшую меры в последующие века.

В то же время животный и растительный мир, лишенный разума, вел существование, которое не нуждалось в понимании выше данного ему биологического минимума и потому лишено безграничной и опасной свободы. Можно видеть, что все беды, подстерегающие человека, произошли и происходят от половинчатости его природы. Он – животное по заложенным в нем началам. Он – мыслящее существо, согласно развитию. Одно мешает другому, периодически проявляя свой приоритет.

Такой произвол породил право. Обратим внимание на то, что юридическая законность возникла в период, когда противостояние разума и чувства достигли своего апогея. Это случилось в рабовладельческом Риме. Созданное тогда римское право стало первоосновой позднего законодательства многих стран. Были созданы условия существования кланов, объединений, этносов, основывающихся на различном толковании моральных заветов и обязательств, называемых обычаями. Кроме того созданы были условия существования людей между собой.

В этом процессе, вновь и вновь открывающим перед ним новые пути, человек искал защиту от самого себя. Это был поиск разума, который гарантировал бы ему гармонию существования. Право вырастает на верности законам созидания, как началах добра. Оно не может попирает эти основы, составляющие общее начало живого мира. Можно ли соединить эти успехи со всем, что его окружает? Может ли сосуществовать цивилизация и природа?

Учиться надо у всего первоначального. Ведь разум, ведущий к власти над всем видимым, подсказывает, что в сферу усилий человеческого ума должны входить и законы первоестества. Отбрасывать их нельзя. Значит, эти законы должны стать органической частью разума. Тогда он может поверять себя на каждой своей ступени. Начиная с этики отношений и деяний. Такое движение приводило на первый взгляд, к чему-то трудному. Кажущаяся безысходность грозила покушением на еще непонятые черты сотворения и существования. Вот тогда-то стало необходимым вмешательство высших сил, понимаемых сегодня как убедительное проявление логики разума.

Библия говорит о четырех случаях такого вмешательства. Сначала это было создание человека и его изгнание из идеальной среды за постижение того, что не было ему дано изначально. Такое было названо грехом. В дальнейшем греховность стала расти, и поэтому Бог (так условно назовем созидающую силу!) изгнал человека из рая – среды, где могло быть лишь бездумное существование.

Не помогло. И он предпринял еще одно действие, на сей раз карающее человечество, – потоп. Не помогло. И Он отказался от своих непосредственных проявлений и прислал на Землю учителей – Моисея, Христа, Магомета и Будду. Они стали наместниками Бога на земле в близком каждому человеческом (не ангельском!) облики. Вполне возможно, что это были просто люди, которых масса впечатлений привела к своду спасительных моральных правил. Они взяли на себя труд посредничества между первозданной природой и людьми с их попытками осознания и власти над всем сущим – результатом самостоятельного существования.

Это была идея компромисса, которую можно назвать нравственным рационализмом. Он требует, чтобы в сферу необходимых для развития человека условий входили и законы естества. Эти законы должны стать частью регулирования разумом человеческого существования. Благодаря ему, прогресс может поверять себя на каждом этапе своего развития, начиная с

этики отношений и поступков. Свод их находится в заповедях так называемых наместников Бога на Земле.

Наставления наместников просты. Моисей, Христос, Магомет, Будда и даже язычники сильны мудрой простотой восприятия всего сущего. Они созидатели спасительных законов, соединяющих ум с чувством. Наместники утверждают: ребенок, живущий чувством, всегда прав в своем естестве. Его развитие пробуждает разум и приводит к синтезу начального и развившегося, то есть к оптимальному сочетанию. Значит, природа – основа сущего, в том числе и разума. Их единство всеильно. Тогда человек, а не только наместник, может творить чудеса.

Чудо – прямой результат веры в самого себя человека, еще не познавшего свои возможности, как части первозданной сути, а абсолютный синтез чувства и разума, которому надо безгранично верить. Авторы Библии были настолько чистыми существами, что их соприкосновение с путаной человеческой природой открыло душевные богатства во всем их еще неиспользованном могуществе. Эта безграничная сила даровала чудеса без границ. Так мог гореть терновый куст, не сгорая, человек мог идти по воде, исцелять больных, насыщать страждущих. Возможно, что это были первые метафоры для выражения силы духа, но важно, что они требовались для соразмерного выражения духовных открытий, добытых чувством.

Сегодня чудеса достижимы, но уже в результате развитого разума. Одновременно это – движение духа по законам бытия согласно рукотворным началам, которые человек открывает для себя снова и снова. Складывается путь, на котором можно развить нечто освоенное умом и при этом не вызывать губительного противодействия. Таковы условия процесса движения вперед.

Вера в Бога (основополагающая) – не познанное, а сущее, не знание, а фундаментальное чувство. Русский мыслитель наших дней А. Тарковский сказал:

«Вера – это единственное, что может спасти человека...Иначе, чтобы мы могли совершить? Это та единственная вещь, которая бесспорно есть у человека. Все остальное несущественно» (см. Н. Болдырев: «Жертвоприношение» Андрея Тарковского). Нет ли здесь противоречия? Нет, потому что вера в основополагающее начало помогает разуму. Она – опора для многообразного существования живого, в том числе человека с его неустанной перспективностью. Она не нуждается в специальных доказательствах. Система веры – религия – помогает на первом этапе встать с колен. На этой стадии она внедряет в человека еще не познанную культуру. Но по мере ее развития религия, как курс посвящения, становится все менее нужна. Человек вырастает из нее и применяет духовные основы веры, как опоры и стимулы своего существования.

В частности власть. Она, вольно или невольно, была передана Богом людям: **«по нашему образу и подобию»**. (Библия:1.26).

Первый носитель этих заветов, Моисей, возвестил:

«Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не желай жены ближнего своего, дома, поля...» (Второзаконие: 5.17.23; 5.12.23). Эти ограничения – результат осознания человеком своей особой роли творителя и ее охранительных рамок. Но рост сознания перешел определенную черту и привел к продолжению властолюбия. Моисей основал секту левитов – говоря современным языком, священнослужителей, – наделив их особыми полномочиями. Народ, подвластный левитам, а впоследствии иным сектантским разновидностям (евреи), должен следовать запретам на определенные виды пищи, образ поведения, соблюдать обряды. Нарушение сих запретов – зло.

Свод правил поведения ставил своей целью отделиться от других племен и был придуман для власти над частью людей. Сектантство, как и государство, имеет свои границы, а значит, пределы реальной власти. Это стало одним из первых шагов к пониманию совместного сожительства.

Этот шаг при растерянности людской природы после первого познания собственной свободы превратил добро в извращенную форму поведения. Она была закреплена жестокостью, порождающей страх: *«Выведи мужчину или женщину, которая сделала зло сие, и побей их камнями до смерти»* (Второзаконие: 17.5). Так были попорчены основы божественных заповедей. Второзаконие говорит, что Бог наказал за это Моисея, запретив ему окончить свою жизнь в Израиле, в результате чего его тело было похоронено вблизи Иерихона, т. е. на границе объявленной им иудейской земли. К тому времени форма (а не сущность поведения!) начала называться религией (иудаизм) или некоей закрытой верой, враждебной тем, кто отвергает стены между людьми.

Новым учителем стал Христос. Он заложил те же основы вероучения, то есть общечеловеческой морали, без какого-либо наказания за их неисполнение. Он стал первым, кто отвергнул страх человека перед самим собой и провозгласил добро как абсолютную суть человеческого существования. Заметим, что христианство появилось в то время, когда людьми руководил развитый культ рабства, то есть жестокости в ее неограниченных формах. Нетрудно почувствовать это в образах художника XV века Иеронима Босха, особенно в «Шествии на Голгофу». Первосвященники возвели существующее зло в нечто фундаментальное.

По Евангелию видно, что его пророки напуганы греховностью людей и потому пытаются направить их сознание к природным основам, внушить исходящую оттуда спасительную рациональность. Сначала это была только тенденция. Несколько веков спустя она стала преобладающим нравственным началом в Палестине, Европе и в Византии, и в некоторой степени – новой чертой человеческой природы. При этом поступки человека прошли через множество извращений. Люди творили жестокости, прикрываясь теперь авторитетом Евангелия и – частично – Торы. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. К такому выводу пришел несовершенный человек. Он еще не дорос до понимания, что выходом из положения может стать подход, трезво учитывающий все качества и возможности человека от высоких до низменных.

В результате появились черты культуры, отвергающие крайности в жизни человека (в частности, роскошь и нищенство). Избежать их не удалось, но такие сменяющие друг друга крайности неустанно напоминали человеку о запредельном финале – смерти, а до нее – о мудрости золотой середины.

По мере понимания уроки зла показали его родственность с ложью. Из опыта взаимоотношений с тем и другим человек стал вырабатывать особую тактику.

Зло смеется над добром, которое в борьбе с ним сковано собственной гуманной природой, а потому слабее. Наверное, добро должно обладать силой, и если надо – жестокой силой. Но добро не вызывает у людей столь захватывающих эмоций, таких ярких и острых переживаний, которые порой вызывает зло. Оно больше отвечает темпераменту человека, особенно в его активном возрасте: от 20 до 60 лет. Зло динамично и потому бывает не только более успешным, но и сплачивает. В результате оно с той же страстью ведет в тупик, уничтожает самого себя и потому не имеет будущего.

У любви – явления добра – воспринимается сначала высокая ее сторона. Осознать любовь как нечто безграничное, как абсолютную нравственную ценность человеку трудно. Иной раз это означает совершить над собой насилие. Даже если ему частично удастся это сделать, зло будет сосуществовать в его душе и – как сильное чувство – деформировать добро, порождать лицемерие. Иудейская, христианская, исламская религии не смогли разрешить этот конфликт и замаскировали его бутафорией, обычаями и обрядами, то есть условно освященной его стороной, символизирующей веру. Они заняли место, находящееся вне осмысленных моральных реалий, обеспечивая своим прихожанам максимум религиозного комфорта.

При этом надо учитывать важное обстоятельство: мать дарует тело, а отец – дух. Раннее человечество несло в себе материнское начало. Ветхий Завет отразил это перед изгнанием из

рая. Такое характерно и для начала самостоятельного существования человека. По мере его развития дух стал приобретать все большее значение. Отцовское начало стало проявляться в приоритетах: философии, науке, технике и культуре. Женское, как и встарь, – в продолжении рода. Только в настоящем времени, под влиянием общего процесса развития женщина стала претендовать на равенство.

Одновременно внутри развивающейся натуры человека тоже происходили конфликты. Ум человека в начале бытия отставал в своем развитии от чувства. Однако он открывал такие возможности, для личности, что не воспользоваться ими человек был не в силах. Это неудивительно. С самого начала это существо стремилось к получению удовольствия, как к вполне естественной цели. Пробуждающий ум открыл перед ищущим чувством и желанием ума новые горизонты. Оказалось, что личность может обладать желанием собственности, власти над вещью. Развилось самолюбие, честолюбие, властолюбие, и как следствие – эгоизм, ложь, жестокость.

Особое значение приобрела ложь. Ее не знают биологические организмы (растения, животные). Следовательно, ложь – явление разума и его странного проявления как враждебности к себе подобному. Даже всезнающая Библия, как мы уже упоминали, не может объяснить, почему Каин убил Авеля. Много десятков веков прошло до тех пор, когда разум начал понимать, что во имя сохранения человеческого рода надо бороться с жестокостью и обманом, которые принесла свобода духа. Она развила лицемерие, показав этим упорство в существовании лжи и достигнутых при ее помощи целей. Причиной стала неразвитость человека, принимающего обман за правду.

История останавливается на таких проявлениях, как войны и нередко считает их положительными явлениями, несущими такие качества как храбрость, доблесть, отвага. Эти ценности имели вес в борьбе человека с человеком и несли ограниченное удовлетворение, а в итоге безвыходность. Поэтому растущий разум не мог их рассматривать как нечто положительное. Избежать этих наклонностей было невозможно, и они совместно с разумом влияли на понимание природы человечества и логику его развития. Чувственная сила десятки веков шла впереди и требовала от разума находить для нее положительное основание. Это уродовало натуру мыслящего существа, но и в этом состоянии он подспудно развивал свой ум, открывая при его помощи удивительные возможности в области понимания природы и доброй власти над ней. Особый нравственный смысл приобрели точные науки. Они не только продвигали знание, но и воспитывали человека в духе правды.

Интеллект двигался трудным путем.

Материальное бескорыстие противоречит соблазнам, которые при своем развитии открывают новые возможности чувственного удовольствия. Как уже было сказано, они способны развращать человека. В ассортимент таких возможностей входит гипертрофированное корыстолюбие и честолюбие. Мы обращаем на это особое внимание, потому что свойства этого вида зла, обладающие силой, целеустремленностью и решительностью. Они могут быть использованы добром, если следовать логике гомеопатии (лечить подобное подобным). Тогда у человека появятся необходимые для борьбы злость, прямота, резкость, придающие доброте мощь, лишенную боязни оскорбиться. Тогда можно превентивно ограничить насильников. Задача в том, чтобы суметь отличить зло от добра, не дать злу притвориться добром, не дать злости перейти пределы необходимой обороны и превратиться в зло.

Мы смешиваем веру в добро с религией и ее хранителем – институтом церкви. В момент своего появления храм имел гуманитарное значение. Он вместе учил неразвитых людей первоначальной морали. Позднее человек стал разбираться, что мораль – это духовная сила. Одухотворенному человеку становилось все более понятно, что церковь – не что иное, как желание получить нечто большее, а именно возведение веры в некую материальную систему, влиятельную своей ощутимостью, вещественностью и наглядностью. Заметим: вера в видимое, вместо

веры в невидимое (в моральное начало), – это пережиток язычества. Религия, как метод воспитания моральных начал, стала напоминать некий неоязыческий обряд. Он не мог капитально влиять на людей.

Участие в церковной службе стало малоосмысленной привычкой. Она содержала личные проблемы и надежду на их мистическое разрешение. Забывалось, что истинная вера может пребывать только в человеке, а не в его окружении. Поэтому она отвергает вещь и все, что связано с мирской суетой. Если кого-то посещает божественное начало, то ответ человека должен быть не в поклонении ликам святых и свиткам заповедей, не в благодарности, не в молитве, не в обряде, а в достойных делах человеческих. Ни в чем другом божественная сила, а значит, и принявший ее человек, не нуждаются.

Так рождалась новая культура, в которой храмовое начало играло свою положительную роль. Его вещественные атрибуты символизировали основную мысль, что дела человеческие с момента их появления зависят только от самого человека. Чувство Бога – это чувство всемирной опеки в добрых делах. Поэтому важен разум и внимание к текущей жизни – источнику вечно нового опыта, который требует свежего взгляда на основе усвоенных начал. Убежденная, что ее вещественные образы вечны, канонизированная религиозная процедура с трудом учитывала новейший опыт человека, считая его чем-то наносным. Американский философ Г. Торо писал в XIX в., имея ввиду религиозных пророков: *«Старость не столько получила, сколько утратила... Ее опыт слишком ограничен. Передо мною жизнь – опыт, почти не испробованный мной, но мне мало толку оттого, что они его проделали»* (книга «Жизнь в лесу»).

Не учитывать естественную эволюцию человека, черты его натуры сегодня – значит не суметь понять причины конфликтов между современными людьми и не противостоять им. Сегодня человеческое существо стало сложнее, жизненный опыт богаче. Религии, основанные на многообразии толкования истоков веры, не в состоянии разобраться в этом хаосе и потому запутались в словесных и обрядовых условностях. Они не смогли помочь спастись ни от одной войны, тем более в страшном XX веке.

Религия, оформленная в храме, превратилась в некое музейно-экзотическое действо, почти не наполненное сиюминутным содержанием. Цель его – напоминать о далеких временах, когда человек был проще и чище. Традиционное богослужение стало явлением ностальгии, дающей какую-то разрядку накопленным отрицательным впечатлениям человека. Не слабо ли такое проявления веры в Бога? Не говорит ли оно еще раз о том, что сегодня, как и многие века назад, человек гол и беззащитен перед жизнью, а церковь только сочувствующе взирает на него, не в силах помочь.

Тупик, в который зашла мысль еще в древние времена, был выявлен и отражен в Откровениях Иоанна Богослова. Эта глава Нового Завета – последняя. Значит, заключительная по жизненным впечатлениям и выводам автора. Она отражает растерянность чистого человека перед собственной греховной природой, непонятной для него, воспитанного первоначальной безгрешностью. Глава полна ужаса, и автор не находит другого выхода, как обратиться к образам возмездия, называемого «Страшный суд».

Приговор такой инстанции вероятен. Но с поправкой: человечество нуждается в собственном понимании и суде, который не просто устрасит, но и вразумит его. Ведь только пугать человека – это еще один путь к неволе, к злу. Прежде чем обратиться к этой проблеме, примем во внимание опыт поколений, живших после библейского Богослова.

Правдой в жизни является душевная чистота. Это состояние без всего лишнего. Очищение неминуемо приводит нас к единению с природой, как это было на заре человеческого существования. Сила, заложенная в разуме, может помочь этому. Поэтому одной из задач зрелого человека является внимание к нажитой им культуре, как к этапам раскрытия мира. Одна из пробуждающих ее черт – созидательный труд. Он является производным разума. Животные

не знают этого. Труд – физический и умственный – явился причиной непрерывного развития человека на земле, проявлением власти разума над окружающим, определяющим понимание всего духовного и материального.

Умственная жизнь открыла безбрежные просторы мира, которые нередко приводили людей к растерянности. Они не могли связать кажущиеся и истинное. Появилось немало издержек, и они, как в лабиринте, заводили людей в тупик. При этом настолько пугали их, что породили призыв некоторых философов отвергнуть прогресс и вернуться к первозданной природе (Д. Зерзан), то есть к незамедлительному отказу от цивилизации. Такие мыслители не отдают отчета в том, что стремление человека к собственному развитию заложено в его генах. Бороться с генным (оно же Божественное) наследием бесполезно и ненужно. Даже если бы такое удалось, то это означало только возвращение к стартовой позиции пройденного пути. Начало заложенное в природе вида не может вести к его уничтожению. Развитие неизбежно с достижениями и ошибками.

Эти философы считают, что человека испортило разделение труда, когда он перешел от собирания плодов земли и животноводства (единая профессия) к индустрии, требующей узких умений и, соответственно, различных типов натуры.

Множественность профессий – показатель степени овладения человеком окружающим миром. Одновременно это фактор разделения людей друг от друга. Мучительная альтернатива общения или отчуждения не вела к житейской гармонии. Этот разрыв усугубила интенсификация труда, стремление к получению как можно большего вида и количества плодов человеческих усилий. Руководил этим развивающийся ум. Он увеличил приоритет разума над привычкой консервативного труда и породил соревнование способностей, что активизировало у других людей зависть и чувство несправедливости.

Во множестве случаев труд стал поработать человека, поскольку та или иная профессия и ее темп могли не соответствовать его вкусам и возможностям. А трудиться необходимо для того, чтобы реализовать открытия ума и создавать жизнь все более высокого уровня. Сверх необходимого. Появилась проблема принуждения или, как ее более резко называют, эксплуатация человека человеком. Одним из показателей этого является не только работа, но и качество досуга: повышенное влечение к бытовым удобствам, в том числе к развлечениям или к художественному отражению жизни, сути которого мы еще коснемся.

Конфликт в результате растущих возможностей человека требовал разрешения. Хотелось, чтобы задача, к которой пришел человек, была решена мгновенно. Но оказалось, что принцип «сразу и вдруг» в отношении возврата человека к прошлому также противоречит законам развития любого живого существа и говорит только о долгой борьбе с привычными основами его существования. Выход состоит в обратном: прогрессивной эволюции, с тем, чтобы она привела техническое, культурное и научное развитие человека не только к единению с природой, но и к нахождению пути к этому средствами всех цивилизационных достижений. Мы постараемся доказать, что приоритет природы вернется к человеку, не на полпути развития, а осознанно прийти к такому итогу: сделать цивилизацию ключом к достижению гармоничной среды обитания. Об этом далее.

Осознание такой гармонии формировалось нелегко. В XIX веке, напомним, популярным стало объяснение страданий наемного труженика безжалостной его эксплуатацией владельцами средств производства. Такой взгляд был недальновиден. Ложная идея «прогрессирующего обнищания пролетариата» породила вывод о наличии в обществе смертельно антагонистических классов, удел которых – война на уничтожение. Трудно сказать, чего в этом утверждении больше – незрелости или обмана.

Классы (если принять такую градацию общества!) взаимосвязаны, а не взаимовраждебны. В последнем случае продукт труда не смог бы появиться на свет, да и само промышленное производство не могло бы столь успешно развиваться, как это происходит сегодня. Между

«классами» идет не война, а поиск более справедливого распределения полученного продукта. Заметим – общественного, а не личного! Проверка «весовых категорий» идет между людьми на рынках, куда приходят корпорации, банки и биржи. Называется она конкуренцией и соответствует природным началам.

Предприниматель, благодаря именно своей эгоистической природе, быстро понял, что ему невыгодно обеднение людей работающих на него. Снижается их потребительский потенциал и трудовой стимул, а предприниматель рискует затороваться и разориться. Это очередной этап движения к рационализму.

В начале XX в. сторонники классового противостояния считали, что все ценности производит только рабочий класс. Порочность такого утверждения состоит в том, что нетрудовых доходов при так называемом капитализме нет. Странно считать честным трудом лишь физическое соприкосновение человека с продуктом производства, но, боже упаси, не умственное, не опосредованное, не на расстоянии, не через выработанные экономические ступени. Владельцы собственности и другие, одиозные для социалистов и коммунистов, фигуры являются наиболее квалифицированными работниками. Руководство производством, финансами, технологией в условиях рынка требует большей самоотдачи и более глубоких знаний, чем относительно простые операции рабочего. Такой праздник труда, как 1 Мая, должен был бы выводить на демонстрации в первых рядах банкиров с предпринимателями. Н. Бердяев недаром сказал: **«Революция – это честно сформулированная ложь»**.

Путь к справедливому распределению национального продукта – не революция, а процесс осмысления общественных законов и следование им. При успешном прохождении подобной учебы выводы Маркса и Энгельса можно зачеркнуть, ибо в основе их радикализма находилось стремление сделать из мухи общественных проблем слона революции. Эксплуатация была быстро побеждена эволюционным путем.

Люди стали разумно направлять долю получаемой трудом прибыли на нужды нетрудоспособной части населения (дети, престарелые, больные). Изъятие части заработка несколько уменьшило вырабатываемый продукт, но зато увеличило моральную удовлетворенность человека. Это дорогого стоит.

Вот и вся справедливость, необходимая человечеству!

Революционеры любили оперировать цифрами благосостояния капиталистических магнатов. Они умалчивали об одном: эти деньги не лежат в карманах или на неподвижном хранении в сейфах. Они активно участвуют в инвестициях, а значит, в промышленном обороте. Деньги, как аналог труда, работают, а это значит, что они увеличивают посредством капиталовложений количество рабочих мест и производство необходимого всем товара.

Обобщим. В человеческом обществе идет постоянная передача продуктов деятельности друг другу. Такие действия являются по своему смыслу актами взаимобмена умственными, эстетическими, материальными ценностями с общественно-денежным контролем их движения среди людей. Человеку, нравственные чувства которого оскорбляет купля-продажа всего и вся, можно разъяснить следующее.

Разум пытался было возместить такой моральный урон идеей коммунизма: **«Каждому по потребностям. От каждого по труду»**. Этот чистый принцип соответствовал вкусам людей, для которых формула «Товар-деньги-товар» воспринималась как черта нечистой жизни. Эта мечта со всеми ее катастрофическими последствиями была в результате заглушена развитием материальных интересов индивидуума. Чувственных. Они – природные, а потому неистребимые. Они привели к изобилию продуктов труда. Жизнь повелела не бежать впереди паровоза, а спокойно сесть в вагоны естественной эволюции. Другое дело, что эту быструю эволюцию хотели оседлать бесчестные люди, которым свободный рынок мешал установлению единовластия. Они рвались руководить честными людьми под своим же флагом. Политическая

спекуляция стала частью истории человечества, а может быть, признаком ее конца. Мы расскажем об этом, как о важнейшем этапе истории.

В наши дни появились общества, пошедшие на смелый эксперимент. Они нашли, что человек имеет право свободно выбирать тип своего труда или не работать вовсе. В обоих случаях общество гарантирует ему достойный уровень жизни. Психологическая цель такого опыта: воспитать чувство абсолютной свободы, которое, как застой, так или иначе, приведет человека к активной деятельности. В ней неминуемо проявятся его глубинные возможности и большая производительность, чем при труде вынужденном, как это бывает сейчас. Такое общество обладает большим нравственным потенциалом, позволяющим увеличить производительность труда и дать людям полную свободу. Так было сделано в Швеции. Такой процесс идет во Франции, и это говорит о силе культурного резерва современности.

Культура – нравственно обогащенный, познавательный в оптимальных дозах образ жизни человека. Не все типы людей расположены к этому. Русские, как мы это увидим дальше, – нация, живущая крайними категориями добра и зла. Возможно, что в своем историческом смещении это выглядит как оптимум. Но в отдельных периодах ведет к страданиям и гибели людей.

Национальные разновидности культуры существуют, благодаря общечеловеческой связи чувства и разума. Научные и технические открытия расширяют масштабы не только знания, но и понимания законов развития человека. Тогда наступает очередь реализации общечеловеческой идеи во всех областях жизни и для всех национальных меньшинств. Это и есть гуманитарная культура. Старой, гипнотической, обманной – нет. Ее инерционные попытки проявить себя в трудах философов недавних веков вызывают в итоге слабое понимание. Они противостоят быстро растущей реальности.

Теперь мы можем вернуться к теме Страшного суда.

Уже давно человек, прочитав об этом, всплеснул руками от страха перед самим собой. Он не заметил, что веками шло накопление не только грехов, но и разума. Поэтому можно признать, что Страшный суд уже свершился в XX в. Как полагается, Суд удалился на совещание, которое оказалось бесконечным. Это значит, что приговор остается не за теми, кто вроде бы сидел за судейским столом, а за аудиторией, которая должна вынести свой вердикт. Если она его не провозглашает, то, значит, не созрела, не решила задачу, заданную ей прошлым, и пока не может быть творцом своего будущего.

Что нужно для осознания творимого человеком?

Он, как мы уже поняли, двигался от чувства к разуму и воспитывал собственное чувство поэтапно, хотя и с заметными опозданиями. Что они означают?

Человека всегда отличало от животного стремление подчинить своей воле окружающий мир. При этом он не ограничивался элементарным благополучием, а переносил свои усилия на получение дополнительных удовольствий, не связанных с необходимыми условиями существования.

Стремление к удовольствию – основная примета биологической и социальной активности человека. Вначале это чувство рождалось от актов продолжения рода и от удачного добывания пищи. У животных последнее явление вряд ли можно назвать хищничеством (в нашем этическом понимании!). На самом деле это – необходимое условие для выживания, и ему чужды излишества. Поэтому поведение животных рационально. Они дают первый урок трезвого отношения ко всему живому. Зверь совершает жизненные функции, необходимые не только для него, но и для определенного равновесия в среде обитания. Нарушить такой баланс – значит нанести ущерб среде, обеднить многое из того, что дано природой и законами ее развития. Инстинкт животного оберегает от этого его самого и окружающий мир.

Такое взаимное равновесие настолько убедительно, что вызывает у многих людей разумное осмысление этого, особое притяжение и любовь к животным, к их образу жизни, а также

встречные симпатии любого живого существа к человеку, когда он поощряет его природные черты. Животное лишено заблуждений разума, и потому ему легче найти нечто близкое. Можно еще раз сделать вывод: человек – это нечто среднее между животным и мыслящим идеалом. Когда человек отчаивается в достижении этого совершенства, то животное начало представляет для него цельную натуру, своего рода образец жизненной мудрости. Трудность выбора человека идет в борьбе чувства и разума. Это тяжелый путь.

Его выбор осложнен появлением такого фактора как собственность. Это ничто иное как проявление самовласти над всем окружающим человека, зависимым от его воли и чувственного желания. Властность – стимул деятельности, находящий свое обоснование в уме, но в первоначальном еще не развитом виде.

Синтез властности перешел из семьи в клан, в племя, в нацию, в государство. Человек лишился ограничительного инстинкта, и перед ним открылось пространство бескрайней чувственности. Эти постоянные открытия стало столь сильнодействующим средством, что разум не всегда мог справиться с этим. Появились психические заболевания, чего животные не знают. Инстинкт продолжения рода стал порой не началом природного процесса, а пиком физиологического наслаждения без естественных целей. Отсюда проституция.

Столь двойственное появление натуры продолжало развивать ложь как неизбежное облегчение такого существования. Правда стала доказываться через неправду. В этом случае она выглядела не так страшно.

То же произошло с пищей. Из биологической необходимости она стала средством развития особой чувственности. Отсюда утонченная кулинария, алкоголь, курение, наркотики как растительный и химический продукт.

Достижения в умственной деятельности также стали целью получения притягательного ощущения. Это было бы неплохо, но все свои усилия и возможности человек оценивал согласно вкладу в копилку новых удовольствий. В результате продолжали воспитываться неприродные, снова извращенные тягой к чувственности свойства натуры: сладострастие, честолубие, тщеславие. Никакие живые существа не знают этого. Они в своей среде неосознанно нравственны. Даже крокодилы. Человек, в противоположность зверю, осознал на каком-то этапе спасительное значение моральных ограничений как гарантийной основы своего перспективного существования. Явилось ли это чем-то высшим? Несомненно! Но надо помнить, что подобная роль разума требует высокой ответственности за владение им. Иначе ум наказывает человека.

Привлеченная такими возможностями, натура человека претворила нравственность в конкретное чувство совести. Именно оно учило человека самоограничению после истребления миллионов себе подобных в войнах и преступлениях. Все они отнюдь не вызывались стремлением добыть нечто крайне необходимое, а стали следствием избыточных или извращенных интересов, приводили к временному успеху за счет существ, себе подобных, и умножали понятие зла. Напомним: зло – фактор человеческий. Это косвенный продукт развития разума.

Очень медленно такое понимание входило в умы под названием греха, и только много веков спустя стало сказываться на поступках человека. Произошло это не потому, что дидактическое моральное начало взяло верх, а потому, что развитый эгоцентризм с его техническими возможностями явил угрозу существования всему роду человеческому. Ум показал, что он может приводить не только к положительному результату. В то же время вдумчивый расчет воспитывал справедливый подход ко всему окружающему. Умственное начало очень медленно становилось результативнее чувственного.

В этом мы видим характер приговора Страшного Суда, как мы его понимаем сегодня. Он вряд ли «страшный», поскольку его цель в пробуждении разума на новой ступени его развития и выведении человека на правильный путь. Ах, если бы все суды имели возможность преследовать такую цель!

Возникшее рациональное мышление явилось, на первый взгляд, шагом возврата к природному спасительному началу, и в то же время движением вперед, к осознанию такого начала и его возможностей развитым человеком. У него, по меньшей мере, открылись глаза на мир. Его ум стал более просвещенным, а значит, он стал видеть все, на что может быть направлен. А это и есть воспитание. Такая натура смогла стать основой для развития разума в еще не познанных направлениях. Желание удовольствия не умерло. Оно стало находить более осознанные и потому оправданные источники его получения.

Понимать это как всеобщее развитие сегодня еще нельзя. Конфликты по мере роста двух сторон человеческой натуры нарастают.

Нравственный кризис дал себя знать в разном понимании этого. Возрастало значение не только «золотой середины», а уже пережитых крайностей, к примеру, национальной принадлежности и национальных квартир, в которых хочет уединиться человек. Он находит здесь еще один способ преобладания чувства над умом, получает от этого удовольствие и не всегда замечает, что его собственная индивидуальность обедняется, уступая место этнической, религиозной или политической замкнутости (ксенофобии). Национальная или религиозная колыбель способна взрастить человека, но если в дальнейшем он захочет развить свою человеческую сущность, свои таланты, то неминуемо выйдет за милые, но узкие рамки своей колыбели. Так бывает и при росте младенца. Граф А. К. Толстой в свое время сказал: **«Я не принадлежу ни к какой стране – и принадлежу всем. Моя плоть русская, славянская, но душа общечеловеческая»**.

Первородные признаки – остаточное звено в общечеловеческой деятельности, некое теплое воспоминание, но не решающее. Сохранение их на первом плане в зрелом возрасте может означать намерение не входить в общую семью народов, сохранить свою ограниченность (провинциальность) и одновременно усилить снисходительность к худшим членам своей национальной семьи. Так это делается в национально-сплоченных человеческих коллективах. Подобная избирательность может вести к ослаблению внимания к отдельной личности во имя нации в целом. В итоге это может приводить к националистическим и тоталитаристским заблуждениям, главным результатом которых является жестокость и ложь.

Поучителен опыт Израиля. Его возникновение стало следствием угрозы существованию нации, ранние представители которой были первоносителями космополитического человеколюбия. Вспомним: **«Нет ни эллина, ни иудея»** (Послание римлянам апостола Павла). Оно говорит о единстве морали людей. Вспомним также, что такие творцы-евреи, как Спиноза, Марк Твен, Гейне, Эйнштейн, Ландау и другие чувствовали себя свободными от сектантского иудаизма и его порочной заповеди: **«Евреи – избранная Богом нация»**. Иудаизм гордится, что его представители первые провозгласили заповеди «Не убий» и др. Мы уже разъяснили, что это говорит не об избранности, а об истоке общего для всех ручья. Освобождение от национальной исключительности помогает людям добиться победы своей индивидуальности в равном состязании со всеми и для всех.

Существуют явления, выпадающие из законов состязания. Это – движения души, такие, как любовь, эстетическое чувство. Они глубоко индивидуальны для некоторых, а для других порой непонятны, даже алогичны. Любовь жаждет интимной близости, а эстетическое чувство – взаимопонимания. Все это тоже можно охарактеризовать как взаимообмен, только вне денежного контроля.

Строгие блюстители нравственности, вас можно поздравить! Сии чувства не выработаны человеком, а даны ему первозданной природой и утверждены разумом. Обмен такого рода – избирательный только по духовному и сердечному велению, по симпатии, то есть по индивидуальному складу души, обогащенной знанием. И здесь задача – не продешевить, на сей раз из высоких душевных побуждений, которые иной раз могут обесцениваться. Как акции и деньги. Мы напоминаем об этой вечной аналогии и потому не оскорбительной.

Бурные возмущения тенденцией к неравной социальной жизни дали толчок обществу по пути к новой ориентации. Появилась социальная помощь, как знак развития цивилизованности, ставшая стимулом дальнейшей интенсификации трудовой деятельности и оправдания ее затрат.

Такова схема. Даже в скупых рамках житейской логики мы видим основу здорового общества. Создать его помешал в течение двух последних веков еще один конфликт разума и чувства в глобальных масштабах, родившего катастрофические последствия в жизни человечества и родившего эту книгу.

Перейдем к нему.

Несложный расчет позволяет утверждать (согласно анализу американского футуролога Э. Тоффлера), что человек сменил с момента своего появления на Земле 800 собственных поколений. Их умственное развитие можно обозначить кривой, идущей сначала немного вверх, а потом резко взмывающей. За прошедшие сто – сто пятьдесят лет (в исторических масштабах это мгновенно!) произошла огромная подвижка в познании и покорении окружающего нас мира. Найден ключ к раскрытию системы мироздания (теория относительности). К людям пришло электричество, радио и телевидение. Создан двигатель внутреннего сгорания (автомобиль, трактор, первые самолеты). Создана электронная система мышления и информации (компьютеры, интернет). Изобретена мобильная беспроводная связь. Началось овладение генной инженерией (клонирование). Освобождена энергия атомного ядра. Люди проникли в космос (посадка исследовательских аппаратов на Луну, Марс и спутник Урана). И многое другое. Ускорение развития – 2 к 800 или 1 к 400.

Человек, с нарастающей скоростью проникновения его сознания в мир становился все более умственно удовлетворенным. Его открытия – не самоцель, а движение к еще ненайденной глобальной истине. Прогрессирующее удовольствие, как известно, доводит до оргазма. Что тогда делать человечеству – отвалиться в изнеможении? Это будет возврат к началу, в данном случае – к историческому прошлому, и одновременно это будет рождение нового человека, который продолжит свое развитие. Наш юмор имеет определенный философский подтекст.

Оказалось, что ничем не стесняемая продуктивность разума не приводит человека только к счастью, а рождает новые проблемы противостояния чувства и разума на более высоком уровне. Они уже сказались на таком вроде бы незыблемом понятии, как собственность. Владение ею уже не является страстью человека. Он все больше воспринимает ее как якорь, мешающий плыть в быстром потоке жизни. Поэтому все большее место занимает аренда недвижимости (жилья) и подвижности (вещей и услуг). При насыщении общества материальными благами больший интерес начинает проявляться к области научного знания и связанных с ним высоких технологий. Это авангард разума. В центр внимания становится макро– и микрознание – высшие стремления разума и стимулирующей его моральной идеи. Мечта и действительность желают слиться.

Казалось бы, это хорошо.

Столь продуктивное двухсотлетие одновременно выявило у людей мощные тормозящие чувства, ставившие своей целью возненавидеть прогресс, оскорбляющий маргинальную часть общества. Появились массовые социальные и психологические движения, подверженные глубокому консервативному чувству.

На ранней исторической стадии переход от одной производительной формы жизни общества к другой, как мы уже видели, совершался медленно. Человеческое сообщество привыкало к существующим условиям и не ощущало неприятной поспешности. Другое дело – обострившая чувства и мышление человека индустриальная эпоха. Именно в этот период начались социальные конфликты (например, в Англии среди ткачей), вызванные промышленным развитием, разделением труда и богатств. Более жесткое противостояние проявилось в XVIII веке во Франции, когда монархия мешала жить, а горожане неосознанно требовали новаций и

произвели революцию, повлекшую за собой немалое зло. Еще большую напряженность породило убыстряющееся развитие в XIX веке, вызвавшее новую реакцию сопротивления (явление Парижской коммуны). В XX веке, по аналогичным причинам произошел стихийный бунт против интеллектуализма в Китае. В Германии радикально узкое понимание человечности позволило физически уничтожить непохожих на заданный образец людей. Характер этих движений отличался такой же экстремальностью, как умственный прогресс в эти же времена. Как видим, застойные периоды, несмотря на их совершенно разные причины, могут приводить к резкому социальному недовольствию, называемую разрушительным бунтом. По одному такому регрессу, как это ни парадоксально, мы можем судить об успехах разума в период последних противостояний. Развитие умственных начал опережает чувственные привычки.

Промышленный прогресс и связанная с ним узкая специализация профессий вызвали разделение богатств, что обострило социальные отношения. Родились профсоюзы – организация низов, противостоящая всемогуществу верхов. Угроза конфликтов между двумя сторонами усилилась. При равенстве сил каждой из сторон был найден компромисс: отказ предпринимателей от части собственной прибыли и перенос ее в социальную сферу, в частности в зарплату рабочим, в компенсации за безработицу и др. Угроза классового конфликта постепенно снималась. Побеждал разум, противопоставивший себя чувству. Такое произошло в цивилизованных странах. Слепая классовая ярость стала прозревать. Однако в странах с устойчивой непроясненностью она усилилась. Рекорд по бессмысленности и беспощадности побила Россия. Ее античеловеческая энергия достигла небывалого уровня.

Глава 2. Стало так

*«Предпочитаю бичевать свою родину, огорчать ее, унижать ее –
только бы не обманывать!»*

Петр Чаадаев

«Подумай, на руках у матерей все это были розовые дети»

Иннокентий Анненский

В России наиболее ярко сказалось отторжение от быстрого развития и его корней. Черты явления были внезапны и грозны, до сих пор малообъяснимы из-за своей нелогичности. Такова была природа России. Поэтому она все еще представляла собой опасность для мира.

Мы уже упомянули о границах возможностей человека, которые мешают быстро принять новый уклад жизни, несмотря на его вроде бы естественное возникновение, и вызывают реакционный взрыв (см. выше. Э. Тоффлер). Самая консервативная часть населения России – крестьянство – отрицательно реагировала в XIX веке на индустриальное развитие городов, потребовавшее отторжения части населения от привычного земледельческого образа жизни. Традиционность, а вернее, застойность привычек и быта оказались сильнее динамики разума.

Начиналось это так.

Большинство русского населения издавна почитало свою нетрудовую часть – нищих и убогих, странников, голь кабацкую, буянов, бродяг и юродивых. Они не только не вызывали морального или социального осуждения, но, наоборот, их считали «блаженными», то есть людьми, принимающими жизнь без каких-либо созидательных усилий. Над ними сиял ореол святости. Православные отшельники-праведники были символом бедности мирской, а значит, богатства духовного. Чистота душевная становилась объектом поклонения, аналогом нетрудового начала, стремления к безгрешности. Исповедовала, согласно Новому Завету, покорность судьбе, минимум усилий и правило «лишь бы день прожить». Таков был характер христианства, пришедшего из Палестины через Византию.

Оно отвечало реалиям русской жизни. При нем формирование нации шло ровнее. Заселение обширных территорий Севера и Сибири способствовало укоренению местного характера, инстинктивному соответствию его природе. Нацию на этих просторах характеризовало одиночество. Оно, получая уроки природы, не требовало развития. Поэтому политическое мышление отсутствовало. Формировалось консервативное устройство жизни, разделенное в одной семье от другой.

В русском фольклоре символическими и уважаемыми персонажами были Иван-дурак и Емеля на печи. Богатырь Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и три года, и только в зрелом возрасте стал применять свою силу, но не в труде, а в защите собственной сакральной нищеты от внешних врагов.

Более доказательно представил русские привычки на начало XX века ученый Д. Менделеев. Он оценил интенсивность труда россиян в 50–60 рублей на душу в год, в то время как в США – 350 руб. на душу.

По указу Петра I религия была оторвана от близкого ей патриархального начала и стала государственным институтом. Введенная сверху православная петровская церковь, исповедующая интенсивное европейское трудовое начало, даже не бралась утешить оскорбленного ею старорусского человека. Воспрепятствовать последовавшему за этим отторжению его от новой иерархической структуры. Тем самым она потеряла свою первозданную евангельскую чистоту. Отношение к попам стало неуважительным. Церковь перестала быть опорой растущего сознания и осталась неким атрибутом существующего образа жизни. Не более того.

Канонизированные православные святые исповедовали отшельничество, часто жили в скитах. Одинокaя молитвенная жизнь противоречила природе католической церкви, при которой возникали монашеские ордена, то есть сообщества, направленные на активную религиозную и трудовую деятельность.

Российскому христианству была близка евангельская заповедь «блаженны нищие духом». В ней нашла свое оправдание святость уравниловки, как особый вид зародышевой демократии. Старая психология и современность были несовместимы. Тяготение к материальному равенству отвергало европейский индивидуализм, примат личности с ее вкусами, взглядами и способностями, а это означало отказ от соревновательного развития общества. Византийское православие, как его ни критикуют в наши дни, наиболее последовательно жило по заветам Христа и вносило в жизнь русских людей строгие моральные правила. Разумеется, это входило в конфликт с научно-техническим прогрессом и не развивало русского человека. Он был консервативно чист.

Такая натура сохранялась благодаря безбрежному природному окружению, зависимостью от климата и погодных условий. Просторы России приводили к выводу, что для их общего с человеком выживания не надо делать ничего особенного. Они отвергали волевое начало и предлагали веру в судьбу, которая не требует ни усилий, ни ума, ни убеждений, а лишь только труд по шаблону предков. Разве это не отвечало заветам Бога после сотворения Адама? Плотность населения России была значительно ниже, чем в Европе, Китае, Индии и Америке. Заметим, что малочисленные индейцы в Америке, еще не заселенной пришельцами из Европы, также были слиты с природой, покорны перед стихией и судьбой. Эти черты придавали их образу жизни своеобразие, сходное российскому.

Контакты между группами населения России были весьма слабые. Хозяйства – натуральные, то есть удовлетворяющие свои домашние потребности семейным трудом. Торговля – неразвитая. Поэтому так мало внимания уделялось дорогам, средствам связи, общественным службам. Именно в России появилось понятие «глубинка», или «провинция», что естественно для столь большой страны. Для нее характерна автономия самого малого региона, вплоть до села. Общенациональному сознанию не представлялось отчета не потому, что его не было, а потому, что оно не требовало своего осмысления. Русский крестьянин не задумывался над характером своих привычек. Он был просто верен самому себе и потому чист.

Эти особенности России вызывали слабую государственность. Перепись населения 1897 г. показала, что в России на одну сотню человек приходится только 2 % госслужащих и полиции. А во Франции – 10 %. Российская власть, даже в позднее время, чаще всего полагалась на урядника. Природность жизни избавляла ее от крупных действий государственного характера.

Продолжение прогрессивной петровской линии Александром II-ым – отмена крепостного права и наделение крестьян полной заботой о себе – пошатнуло авторитет петровского самодержавия. Оно во имя укрепления вертикали власти приняло табель о рангах, разделяющий население на «земских людей» и «служилых людей». Как сказал К. Астахов *«российский монарх стал деспотом, а народ... превратился в рабов на собственной земле»*. Служение после этого более полутора веков помещику, а ранее – князю, боярам воспитало крестьянина в границах и характере его трудовых усилий. Освобождение 1861 года было принято крестьянством как тягостный переворот. Появилось недовольство новым, более активным жизненным укладом, который был непривычен земледельцам. Он соответствовал только вольнолюбивому дворянству. Раскол в обществе усилился. Но страна продолжала двигаться в этом же направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.